

УДК 94(571.56).07:338.28

А.А. Борисов

**ТЮРКИ СИБИРИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ***

Рассматриваются проблемы историко-сравнительного изучения тюрков Сибири: алтайцев, сибирских татар, тувинцев, хакасов, якутов в позднее Средневековье и Новое время. Ставится вопрос об общности исторических судеб в различные эпохи. Хотя в более ранние времена их предки были объединены в государственные образования древних тюрков, в позднее Средневековье они оказались разобщены в результате экспансии монголов и китайцев. Начиная с XVI в. вновь начался процесс их объединения в составе единого Русского государства, унаследовавшего во многом традиции государственного управления монголов. Рассматриваются наиболее перспективные направления сравнительного изучения: управление, самоуправление, народонаселение тюрков Сибири.

Ключевые слова: тюрки Сибири, историко-сравнительное изучение, управление, самоуправление, народонаселение.

При изучении истории любого полиэтничного государства важно учитывать историко-культурную специфику народов и взаимное соотношение между ними для лучшего понимания сути исторических фактов, событий и явлений. «Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной структуры и хозяйственное развитие государства», — справедливо пишет Л.М. Дамешек [1. С. 35–40]. Российская империя являет собой яркий пример подобного государства.

Имперское измерение истории России ныне стало одной из актуальных проблем историографии. Преодоление идеологизации понятия «Российская империя» и расширение исследовательского нарратива обогатили ее и открыли много перспектив научного изучения. Именно «прирастая Сибирью», Россия стала империей, т.е. мировой державой. Среди народов, населявших Сибирь к XVI–XVII вв., самыми многочисленными были тюркоязычные народы – предки сибирских татар, алтайцев, шорцев, тофаларов, тувинцев, хакасов, сойотов, якутов, долган. Все они вели производящее хозяйство, основанное на кочевом и полукочевом скотоводстве. Кроме того, некоторые из них создали свои государственные и полугосударственные образования. Таким образом, придя в Сибирь, русские цари, а затем императоры должны были, прежде всего, решить проблему взаимоотношений именно с этими народами наравне с таким крупным народом региона, как буряты, за которыми стояли другие монголоязычные народы,

опиравшиеся на свои государства. Для эффективного решения проблемы А.И. Миллер предлагает ситуационный подход как альтернативу региональному подходу [2. С. 7–23]. Избранные в качестве объекта исследования народы очень хорошо соответствуют как пример для реализации данного подхода.

Начиная с бронзового века, с эпохи первых кочевников Сибири – народов скифского культурного круга, – можно говорить об общности судеб названных народов, точнее их предков. На обширном евразийском пространстве сложилась единая коневодческая культура, связанные с нею космологические представления, комплекс верований. Степные и лесостепные пространства формировали психологию кочевников, противостоявшую психологии оседлых земледельцев. Держава Хунну, древнетюркские каганаты на протяжении веков поддерживали и развивали эту культурно-историческую общность. Особые формы потестарной организации также создавали единство между многочисленными народами Степи. В конце концов, к середине I тыс. н.э. преобладание получили древнетюркские народы: тюрки-ашины, кипчаки, кыргызы, теле, уйгуры. Наряду с государственностью, ими была создана оригинальная система письма – орхоно-енисейская руника. «Более того, они создали в Евразии свой собственный этнокультурный мир, который не только пережил монголов, но и ассимилировал их впоследствии на большей части своей территории. Тюрки были первыми и единственными из носителей степной

* Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 12–11–14006 «Инородческое самоуправление на Северо-Востоке России в 1822 г. – начале XX в.: структура и функции в системе управления».

кочевой культуры, кто вышел в сибирскую тайгу, дав начало якутскому народу», – пишет Л.Р. Павлинская [3. С. 93]. Успехи средневековых огузов в Западной Азии, а затем монголов Чингис-хана были обусловлены не в последнюю очередь успехами их предшественников. Из тюрков Сибири наиболее развитые формы государственности, по видимому, создали на границе лесостепи предки хакасов – древние кыргызы [4. С. 44–72]. Постепенно, поскольку основные очаги тюркского этногенеза стали смещаться к западу, преобладание получили консолидирующиеся монгольские племена (VIII–IX вв.) [5. С. 17]. Таким образом, предки сибирских тюрков оказались перед лицом мощных монгольских государств и союзов племен.

Считается, что X–XI вв. стали тем рубежом, когда произошло окончательное размежевание между монголами и тюрками [5. С. 113–117]. Под влиянием дальневосточных культур и буддизма монголы стали тяготеть к Китаю и Тибету, включившись в борьбу за преобладание в Восточной Азии. Империя Чингис-хана впервые в истории вышла за пределы евразийского пространства и охватила территории других империй, пытаясь соединить под своей державной властью целые цивилизации. До некоторой степени интересы монголов и тюрков Сибири совпадали, но начиная с XIV в. распад Империи дошел до своей высшей степени. Границы улусов чингисидов совпали с границами цивилизаций, которые пытался объединить Чингис-хан. Более того, они попали под влияние последних и быстро стали ассимилироваться. Собственно, на территории Монголии произошел дальнейший распад государства на еще более мелкие уделы. В таких условиях тюрки Сибири встали перед тяжелым выбором. Уже не было достаточно сильных потестарных структур, подобных каганатам, была забыта письменность, стали разрушаться другие культурные связи. В дальнейшем пути тюрков Сибири разошлись. Якуты стали жителями Тайги и изолировались в своих «аласах»¹. Сибирские татары на протяжении нескольких веков пытались удержать наследие Золотой Орды. Предки алтайцев, хакасов, тувинцев и других народов Саяно-Алтая оказались под властью западномонгольских ханов, а затем подверглись экспансии Цинского Китая.

Продвижение русских землепроходцев вновь вовлекло эти народы под власть одной обширной державы – Русского государства – России, наследницы евразийских империй древности и Средне-

вековья. Отныне их исторические судьбы вновь стали развиваться под влиянием схожих исторических факторов: политики государства, экономических тенденций, культурного климата. Л.И. Шерстова полагает, что на XVII–XVIII вв. приходится новый виток этногенеза сибирских народов, которые находились в переходном состоянии, по крайней мере, народы юга и центра Западной Сибири [6. С. 114–148; 7. С. 97]. Справедливо утверждение, что как со стороны Русского государства, так и со стороны местного населения имело место взаимопонимание в плане формирования системы государственных порядков, имевших одну природу и восходящих к формам, принятым в предшествовавших евразийских империях тюрков и монголов.

Актуальность поставленной проблемы вытекает из современных реалий федеративного строительства многонационального государства. Несмотря на смену правящего режима, идеологических установок, общественно-экономического строя, необходимость эффективного **управления** всегда зависела от умения государства найти оптимальные формы отношений с объектами управления. Исторический опыт всегда служил той основой, на которой воздвигалось здание государственных институтов и законодательства. Взаимоотношения Русского государства и тюрков Сибири демонстрируют подобный опыт. Хотя русские первыми столкнулись с тюрками Западной и Южной Сибири, но якуты вошли в состав Московского государства гораздо раньше. Ясно, что такая динамика была обусловлена сложной внешнеполитической обстановкой. Тем не менее, имея опыт общения с первыми, русские цари переносили его на север, обратив внимание на этнокультурную близость этих народов. И в этом преуспели. На обширном пространстве Сибири, которое в течение нескольких веков оказалось в составе Российской империи, а затем было включено в Советский Союз, проживали сотни народов и племенных групп. Из них лишь немногие принадлежали к числу народов, занимавшихся производящим хозяйством (скотоводством, коневодством и, отчасти, земледелием) и имевших особые формы управления. Не случайно по «Уставу об управлении сибирскими инородцами» 1822 г. они были отнесены к разряду «кочевых». Для них предусматривалось особое управление. Отношение правительства к этой группе народов определяло геополитическую ситуацию в Сибири. Они стали опорными звеньями системы российского присутствия в регионе.

Трудным и противоречивым был процесс присоединения/вхождения их в состав империи. Самыми первыми после разгрома Сибирского ханства были присоединены предки сибирских татар.

¹ Лесостепных лугах (якут.), напомнивших им в свое время южные степные пространства, где жили их отдаленные предки.

Таблица 1

Тюрки Сибири [8. Т. 1. С. 71–76, 92–93; Т.3. С. 17–23, 232–234, 313–314, 322–327, 419–425, 430–431, 609–613]

Народы	Языки	Этапы этнической и политической истории			
		Хуннский	Древнетюркский	Монгольский	Русский
Алтайцы (алтай-кижи) 62192 чел. (2002)	Киргиз.-кыпчак. группа вост.-хуннской ветви тюркских языков	Хуннская держава	Тюркские каганаты (553–744 гг.) Уйгурский каганат (744–840 гг.) Кыргызы (сер. IX – нач. X в.) Кидани (нач. X – XII вв.)	Ойраты (XII–XIII вв.) Алтын-ханское княжество (кон. XVI – нач. XVII в.) Джунгарское ханство (нач. XVII – сер. XVIII в.)	С 1756 г. – в составе России
Татары сибирские (сибиртатар)	Кыпчакская группа зап.-хуннской ветви тюркских языков (кипчакско-ногайская группа)		Тюркские каганаты (553–744 гг.)	Монгольская держава (нач. XIII в.) Тюменское ханство (XIV в.) Сибирское ханство (кон. XV – XVI в.)	С конца XVI в.
Тувинцы (тыва)	Уйгурская группа вост.-хуннской ветви тюркских языков		Тюркские каганаты (553–744 гг.) Уйгурский каганат (744–840 гг.) Кыргызы (сер. IX – нач. XIII в.)	Монгольская держава (нач. XIII в.) Алтын-ханское княжество (кон. XVI – 2-я пол. XVII в.) Джунгарское ханство (кон. XVII – сер. XVIII в.) Китай (1755–1756 гг. – 1912 г.)	С 1914 г. (протекторат), 1918–1944 гг. (Танну-Тыва), с 1944 г. в составе СССР
Хакасы (тадар)	Хакасская подгруппа уйгуро-огуз. группы вост.-хуннской ветви тюркских языков		Кыргызский каганат (VI–XIII вв.)	Монгольская держава (нач. XIII в.) Алтын-ханы (кон. XVI – сер. XVII в.) Джунгарское ханство (1667–	С 1707 г. начало присоединения к России
Якуты (саха)	Якутская подгруппа уйгуро-огузской группы вост.-хуннской ветви тюркских языков		Курыканы (V–X вв.)	Миграции и освоение Средней Лены (X–XVI вв.)	С 1632 г.

Процесс был болезненным и занял несколько десятилетий. Во многом это было обусловлено противоборством между двумя государствами – Москвой и «осколком» Золотой Орды – ханством Кучума. Сравнительно ранним и скоротечным он был в Якутии, более продолжительным – на Алтае и Хакасии. Завершился процесс в Тыве. По времени он занял около 300 лет. За это время правительство Русского/Российского государства создало специфичную систему управления «кочевыми иновещами/иногородцами». И на протяжении веков происходило дальнейшее развитие этой системы, обусловленное историческими условиями как внешнего, так и внутреннего характера. При этом применялся опыт управления из других регионов Империи, перенимались и распространялись административные методы и формы и внутри региона. Отменялись нежизнеспособные государственные институты и установления и оставались наиболее эффективные. Проводились реформы. На-

ступил момент, когда была выбрана наиболее приемлемая, устоявшаяся управленческая модель, которая просуществовала до 1917 г.

Учитывая особенности этих народов, проводилась политика по привлечению местных властных элит к управлению в рамках инородческого самоуправления. Самые значимые события связаны с созданием у «кочевых инородцев» степных дум. Определение исторического места данного замечательного феномена в истории управления и **самоуправления**, возникшего среди некоторых тюркских и монгольских народов Российской империи, является фундаментальной проблемой науки [9. С. 123–135]. Уже обращено внимание на особенности эпохи: либеральные тенденции во внутренней политике первой четверти XIX в. в соединении с развивавшимся общественным движением среди «кочевых инородцев». Первая связана также с деятельностью либерального чиновничества Сибири Г.С. Батенькова, А.П. Степанова,

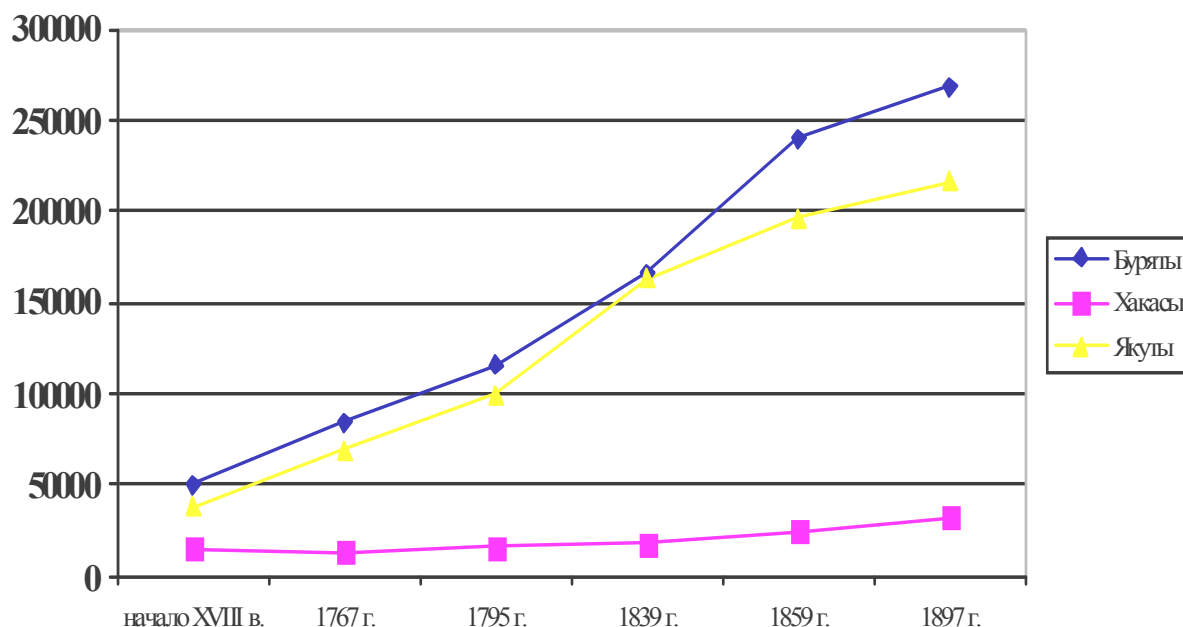

Рис. 1. Динамика численности кочевых инородцев Восточной и Южной Сибири в XVIII–XIX вв.

Н.И. Мягкова, поддержанной выдающимся государственным деятелем России М.М. Сперанским. Вторая тенденция, в частности у якутов, носила характер своеобразного «петиционного» движения за расширение прав «кочевых инородцев» [10. С. 84–88; 11. С. 73]. Хотя есть обширная историография проблемы, но в целом, из-за того, что степные думы в трудах советских ученых оценивались как орудия классовых интересов тойонской и нойонской элиты, представления о них носили идеологизированный характер. Между тем деятельность степных дум в Сибири оставила большой след в истории Российской империи. Интерес вызывает также вопрос о соотношении фактически имевшихся у них полномочий и функций в российской государственной системе.

Народонаселение. Данное направление исследований долгое время было обойдено вниманием историков. Со времен С.К. Патканова сравнительно-исторических изысканий не проводилось. Между тем, если обратиться к данным исторической демографии, они могут дать очень важные основания для выводов по другим проблемам истории. Напомним результаты своих исследований по сравнительному изучению народонасе-

ления на примере трех народов: бурят, хакасов и якутов². Они представлены на рис. 1 [12. С. 72; 13. С. 359, 393, 491; 14. С. 32–35; 15. С. 37–39; 16. С. 23; 17. С. 61–72; 18. С. 49, 51, 54–58, 71, 76; 19. С. 146; 20. С. 54].

На рисунке видно, что положительная в целом динамика численности изучаемых народов за два столетия имела наилучший темп прироста между V и X ревизиями, между 1795 и 1859 гг. При этом у бурят и якутов особенно интенсивным он был в 1795–1839 гг. Якуты сравнялись по численности с ясачными бурятами, но в этот период многие буряты оказались в числе оседлых инородцев. Кроме того, нужно иметь в виду служилых бурят. Во второй половине XIX в. наблюдается замедление темпов прироста, особенно у якутов. У иркутских бурят и хакасов наблюдались сходные тенденции, но если их связывают не в последнюю очередь с процессами ассимиляции, обусловленными хозяйственной колонизацией мест проживания «кочевых»

² Некоторые из них были высказаны в докладе автора «Историко-демографические процессы у «кочевых» инородцев Южной и Восточной Сибири в XVII–XIX вв.» на I Международной конференции по исторической демографии и исторической географии (г. Сыктывкар, 11–14 мая 2011 г.).

инородцев, то у якутов реальные причины такой негативной динамики остаются неисследованными.

С.К. Патканов считал главными причинами разницы между темпами прироста населения экономические. Другие, по его мнению, имели местное значение: эпидемические болезни, антисанитарные условия жизни, алкоголизм, нехватка женщин (у бродячих инородцев) [18. С. 173–175]. На наш взгляд, к числу главных причин следует прибавить политику государства. С.Г. Скобелев обоснованно выделил ее составляющие: ясак, стремление к территориальному расширению и увеличению народонаселения из фискальных соображений, контроль над соблюдением законности, признание экстерриториальности мест проживания инородцев, запрет «холопить» их, налаживание системы запасных магазинов, признание внутренней автономии инородцев [21]. Не случайно именно на один из благоприятных периодов в демографической истории изучаемых народов приходится образование степных дум, в руки которых был передан, кроме вопросов местного самоуправления, также и учет народонаселения.

Влияние эпидемий и голодовок, на наш взгляд, могло быть ощутимым в отдельные периоды истории. По нашим данным, для якутов последствия эпидемий кори и оспы сыграли одну из главных причин замедления темпов прироста. Так, в 1875 г. в результате эпидемии оспы только в одном улусе при населении в 14 тыс. чел. умерло 1266 чел. [22. Л. 55–56].

В изучаемый период «кочевые» инородцы в демографическом плане оказались в большей степени подвержены изменениям государственной политики Российской империи в разные периоды истории. Безусловно, в ранний период, примерно до середины XVIII столетия в силу неустойчивости внешнеполитической ситуации и в условиях поиска оптимальной формы управления многие мероприятия правительства негативно сказались на демографических процессах изучаемых народов. Начиная со второй половины XVIII в. и до середины XIX в. имели место позитивные тенденции во внутренней политике в отношении инородческого населения. Это и ясачные, и административные реформы. Думается, что они сыграли важную роль в дальнейшей демографической динамике. Если обратиться к динамике демографических процессов других тюрков Сибири, то можно увидеть схожие процессы.

Имеются сведения, что в конце XVII в. сибирских татар было 16 тыс. чел., в конце XVIII в. — свыше 29 тыс. чел., в конце XIX в. — 11,5 тыс. чел., в 1926 г. — 90 тыс. чел., а в конце XVIII в. в Тыве

было 9,8 тыс. юрт — 40–50 тыс. чел., а в 1914 г. — 73 тыс. чел. [8. Т. 3. С. 233, 313–314, 322–327]. Мы располагаем также данными по алтайцам: в 1763 г. их было 2,7 тыс. чел., в 1797 г. — 4,4 тыс. чел., в 1816 г. — 7,6 тыс. чел., в 1832 г. — 11,6 тыс. чел., в 1859 г. — 18,5 тыс. чел., в 1880 г. — 25,3 тыс. чел., в 1897 г. — 41,1 тыс. чел., в 1912 г. — 46 тыс. чел. [23. С. 66].

Как видно, динамика численности этих народов, по-видимому, определялась схожими факторами. Сравнительный анализ с исторической демографией вышеназванных этносов позволил бы выявить как общие, так и частные закономерности.

В своей работе мы обратили большее внимание только на три аспекта перспективных направлений историко-сравнительного нарратива поставленной проблемы. Среди других перспективных направлений сравнительно-исторических исследований следует назвать изучение **региональной экономической политики государства**: распространение земледелия, влияние промышленности, рыночных отношений и т.д. Особый интерес должны вызвать сопоставления особенностей **культурных процессов**: религиозная ситуация в связи с распространением православия, буддизма, развитие образования, письменности, зарождение прединтеллигенции, предпосылок общественного движения.

Таким образом, затронутые перспективные направления поставленной проблемы могли бы внести заметный вклад в изучение истории Сибири и страны в целом. Понятно, что успех исследований во многом зависит от интеграции ученых Абакана, Барнаула, Горно-Алтайска, Кызыла, Томска, Якутска и других городов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М. Национальная и окраинная политика как фактор хозяйственного освоения сопредельных территорий Российской империи (XVIII — начало XX века) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века. Новосибирск, 2007.
2. Миллер А.И. Новая история Российской империи: региональный или ситуационный подход? // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005.
3. Павлинская Л.Р. Сибирь — Россия — Евразия // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Т.П. СПб, 2002.
4. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.
5. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
6. Шерстова Л.И. Переходные этносы и формы этнической самоидентификации // Американский и сибирский фронт. Томск, 1997.
7. Шерстова Л.И. Комплиментарность и этнокультурные контакты русских и аборигенов Сибири в XVII–XIX вв. // Лев Ни-

колаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Т. II. СПб., 2002.

8. *Историческая энциклопедия Сибири*: в 3 т. Новосибирск, 2010.

9. *Борисов А.А., Дамешик Л.М.* Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2011. № 1. С. 123–135.

10. *Борисов А.А.* Из истории петиционного движения якутов первой половины XIX в.: записка якутов об исполнении властями положений «Устава об управлении инородцев» // Якутский архив. 2010. № 2. С. 84–88.

11. *Борисов А.А.* О «Записке» кандидата улусного головы Баягантайского улуса Егора Готовцева генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву // Якутский архив. 2010. № 4.

12. *Гоголев А.И.* Демографическое обозрение дореволюционной Якутии // Гоголев А.И. Лекции по исторической этнографии якутов. Якутск, 1978.

13. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

14. *Кабузан В.М., Троцкий С.М.* Новые источники по истории населения Восточной Сибири во 2-й половине XVIII в. // СЭ. 1966. № 3. С. 32–35.

15. *Карцов В.Г.* Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан, 1970.

16. *Мохова Г.А.* Социально-экономический очерк истории Хакасии в эпоху капитализма в России (вторая половина XIX века). Абакан, 1958.

17. Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864.

18. *Патканов С.* О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племён. СПб., 1911.

19. *Ханхараев В.С.* Буряты в XVII–XVIII вв.: демографическая история и этнические процессы. Улан-Удэ, 2000.

20. *Ханхараев В.С.* Демографические процессы у бурят Селенгинской степной думы во второй половине XIX в. // Д.Б. Улымжиевийн нэрэмжит уншлага-2 «Орос бы Монгол XX зуунд. Туршлага ба асуудлууд». Улаанбаатар хот, 2006.

21. *Скобелев С.Г.* Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998.

22. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 15. Оп. 1. Д. 2370.

23. *Алтайцы* (материалы по этнической истории) / Под ред. Н.В. Екеева. Горно-Алтайск, 2005.